

Тань Нин слегка ошарашенно воззрится на Мо Юньчу. В глазах, даже прикрытых длинными ресницами, плескался недвусмысленный намёк. Мо Юньчу пристально разглядывал Тань Нина, поглаживая его тонкие бледные пальцы - дразняще переплетая их, скользя по ладони, забираясь под рукав. Очевидно, что утолить его голод сможет отнюдь не торт.

От одного лишь прикосновения к пальцам всю руку Тань Нина будто прошило электричеством.

— Давай не сегодня. Я устал... — в его голосе слышались растерянность и робкая мольба.

Однако на сей раз Мо Юньчу не собирался легко отступить.

— Сейчас четыре двадцать три, — бросив взгляд на часы, заметил он. — Даже если ты поспишь восемь часов, мы вполне успеем начать в половине первого ночи. Времени более чем достаточно.

Тань Нин недоумённо заморгал, словно не понимая, почему его обычно безотказная уловка вдруг не сработала. В глазах застыло такое трогательное смятение, что невольно захотелось его поддразнить.

— Сяо Нин желает прилечь прямо сейчас? — участливо осведомился Мо Юньчу. — Но, на мой взгляд, ты выглядишь очень бодрым.

Он зачерпнул немного крема с торта и мазнул им по переносице и щекам Тань Нина, отчего тот уподобился котёнку, неосторожно вляпавшемуся мордочкой в сливки.

Мо Юньчу приподнял его точёный подбородок, намереваясь слизать крем с лица.

Тань Нин запаниковал и отвернулся, уклоняясь от поцелуя, но Мо Юньчу удержал его голову. Тань Нин инстинктивно прикрыл лицо ладонью и умоляюще замотал головой, глядя на него полными слёз глазами.

— В чём дело? Почему ты избегаешь меня? Неужели Сяо Нин нарочно не даёт мне насытиться? — Мо Юньчу навис над ним, источая такую неприкрытую агрессию, что каждая клеточка тела Тань Нина вопила от тревоги.

Он затрепетал от ужаса, и его хрустальные глаза уставились на Мо Юньчу, словно у загнанного оленёнка, в расширенных зрачках которого отражалось подавляющее лицо нависшего над ним мужчины.

— Это же очень нехорошо с твоей стороны, малыш.

— А непослушных деток нужно наказывать, — великолепные черты Мо Юньчу утратили все признаки эмоций, зато сумрачная глубина орлиных глаз сгустилась.

На миг в его отстранённом, ледяном взоре мелькнуло нечто невыразимое - будто хищник, заполучивший добычу, наконец сорвал маску притворства...

Зрачки Тань Нина сузились.

Но тут же частокол густых ресниц смягчил откровенное выражение глаз Мо Юньчу, придав ему обманчивую мягкость:

— Так Сяо Нин хороший мальчик или плохой?

— Я... я... — Тань Нин терялся с ответом. Сознайся он в послушании - и его затискают до полусмерти, а признайся в непослушании - накажут.

Подчиняясь звериному инстинкту избегать опасности, Тань Нин неосознанно нашёл самый подходящий ответ:

— Я тебя люблю.

Глядя в прекрасное лицо, маячащее перед самым носом, он несмело добавил:

— Милый.

Это смущающее обращение возымело магическое действие - стоило произнести его вслух, как львиная доля недовольства Мо Юньчу будто испарилась. Верно, Тань Нин ощущал, как под невозмутимой маской Мо Юньчу глухими волнами перекатывалось раздражение.

Он ещё никогда прежде не видел его разгневанным. И не горел желанием лицезреть это и впредь.

Мо Юньчу впился в Тань Нина пронзительным взглядом и улыбнулся краешком губ:

— Какой послушный малыш.

Тань Нин, поколебавшись, обвил руками шею Мо Юньчу. Прильнув щекой к его груди, он капризно протянул:

— В последнее время для этого есть причины.

— Помнишь, позавчера вечером мы ехали домой на автобусе?

Тань Нин помнил наставление Системы - нельзя рассказывать Мо Юньчу о призраках, это нарушит игровой баланс. Но, может, если представить всё как обычный сон?..

— В итоге я выяснил, что в ту ночь по нашему маршруту ездил лишь один катафалк, — тихо проговорил он. — И мне всё снится, будто мы тогда ехали именно на нём. И будто я скоро умру.

— Я очень боюсь. Поэтому сейчас не в настроении для... такого, — Тань Нин не покривил душой ни на йоту - страх и нежелание звучали в его словах неподдельно.

— Сны - полная противоположность реальности, — обнимая его, утешил Мо Юньчу. — Не переживай. Я точно знаю, что мы ехали на автобусе. Просто та остановка, где мы вышли, не просматривается камерами, вот его и не засняли.

Тань Нин, сжавшись в его объятиях, прошептал:

— А зачем мы вообще сели в тот автобус?

— Разве ты не помнишь, Сяо Нин? Ты сам захотел прокатиться на последнем ночном рейсе, поэтому мы и сели в тот автобус.

Тань Нин умолк. Он уже не сомневался, что персонаж, которого он играет - отчаянный искатель приключений, а потому неудивительно, что к нему прицепился злобный дух.

— Если я найду доказательства, что позапрошлой ночью мы ехали на автобусе, Сяо Нин перестанет бояться? — спросил Мо Юньчу.

Тань Нин, поразмыслив, слегка кивнул.

— Отлично, тогда я прямо сейчас этим займусь.

С этими словами Мо Юньчу отстранился от Тань Нина и принялся наводить справки. Сперва он проверил записи с камер наблюдения, но, разумеется, никакого автобуса на них не обнаружил.

Затем Мо Юньчу назвал номерной знак автобуса.

Тань Нин изумлённо округлил глаза:

— Откуда ты знаешь номер?

— Я мельком глянул на него, когда мы садились, — пояснил Мо Юньчу.

Тань Нин невольно восхитился. Куда уж ему, простому смертному, до такой наблюдательности. Да он за целый вечер разглядываний вряд ли запомнил бы номер, а через пару дней и подавно напрочь забыл бы.

На выяснение точных обстоятельств касательно того автобуса требовалось определённое время. Пока длились поиски, Мо Юньчу не стал принуждать Тань Нина и вместо этого предложил вместе посмотреть трогательный, воодушевляющий фильм.

В этом фильме Мо Юньчу играл главную роль - доброго, ласкового, надёжного и понимающего молодого человека.

В одной из сцен фильма Мо Юньчу, облачённый в белый халат, скрупулёзно и неторопливо мыл руки. Этот кадр заставил Тань Нина невольно поджать пальцы на ногах - его тело само собой воскресило в памяти ту ночь и купание в ванной.

Тань Нин обернулся, чтобы взглянуть на настоящего Мо Юньчу. Тот сосредоточенно смотрел на экран, где разворачивалась история с его участием. В отличие от роли военного офицера в предыдущем фильме, образ врача гораздо больше соответствовал характеру Мо Юньчу в реальной жизни. Настолько, что Тань Нин едва мог уловить отличия между героем на экране и человеком, сидящим рядом с ним.

Хоть киношный Мо Юньчу и носил белый халат, оба они излучали совершенно одинаковую ауру. Ту же безмятежность, мягкость и надёжность. До такой степени, словно оба образа создавались по одному и тому же лекалу.

Эта мысль заставила Тань Нина на миг опешить. Он вдруг осознал, что его сравнение звучало довольно странно. Уместнее было бы сказать, что в фильме Мо Юньчу сыграл самого себя.

— О чём задумался? — негромко спросил Мо Юньчу, в точности копируя интонации своего персонажа на экране.

Каждый идеально артикулированный слог его завораживающего голоса будто впитывал частицу нежной решимости. Настолько, что Тань Нин на какой-то миг засомневался, кто произнёс эту фразу - герой фильма или настоящий Мо Юньчу.

— Н-ни о чём, — отозвался он.

...

Наутро Тань Нина разбудил телефонный звонок. Мо Юньчу взял трубку и, понизив голос, обменялся парой фраз с собеседником, после чего повесил трубку.

— Прости, я тебя разбудил? — он поцеловал сонного Тань Нина. — Хочешь ещё немного поспать?

Тань Нин помотал головой.

— Кажется, я слышал, вы говорили про автобус...

— Да, мой друг только что выяснил, что случилось с тем автобусом, — невозмутимо подтвердил Мо Юньчу. — Он упал в озеро рядом с заброшенным кладбищем. Водитель погиб, а видеореги­стратор таинственным образом исчез. Пока никто не знает, почему шофёр направил автобус в ту сторону.

У Тань Нина промелькнуло смутное ощущение, что он уже слышал эту историю. Поразмыслив всё ещё затуманенными ото сна мозгами, он понял, что произошедшее очень напоминает городскую легенду из задания, выданного съёмочной группой.

— Но с уверенностью можно сказать одно - той ночью мы возвращались домой именно на этом автобусе.

Тань Нин по-прежнему пребывал в замешательстве. Когда Лу Инсин просматривал записи с камер, он обнаружил, что катафалк проезжал неподалёку от загородного дома. Однако ни одна камера чётко не зафиксировала, как они с Мо Юньчу вышли именно из катафалка.

Если Мо Юньчу правильно запомнил номер, неужели они и впрямь ехали не на катафалке? Но почему тогда старик Лю так бурно отреагировал на вопрос, подвозил ли он кого-нибудь в ту ночь?

И почему ни одна камера не засняла маршрут того автобуса?

Мо Юньчу запустил пальцы в волосы Тань Нина, приглаживая взъерошенные пряди.

— У некоторых катафалков, хоть внешне они и напоминают автобусы, внутри расположены рефрижераторы, — мягко пояснил он. — На таком транспорте не повезёшь пассажиров. Так что твой сон не имеет под собой научной основы, Сяо Нин. Не стоит отрекаться от материалистического мировоззрения.

"Моё попадание в эту игру - вот что не имеет научного обоснования", - подумал Тань Нин.

Мо Юньчу убрал чёлку с его лба и поцеловал кожу над переносицей. За эти дни Тань Нин уже привык к его поцелуям. Зажмурившись, он вдохнул тёплый древесный аромат, исходящий от Мо Юньчу.

Казалось, он уже улавливал где-то этот слабый запах дерева, но сейчас никак не мог припомнить, где именно.

Когда Мо Юньчу ушёл на работу, Тань Нину пришло сообщение от старшего брата Лу Инсина. Сегодня в полдень состоятся похороны.

Тань Нин направился в гардеробную в поисках подходящего траурного наряда и остановил выбор на чёрном костюме. Облачившись в него, он оглядел своё отражение. Несмотря на солидный покрой, облик юноши в зеркале по-прежнему дышал непорочной свежестью и трогательной наивностью, точно у розы, возвращенной в оранжевое, или птички в золотой

клетке. Мрачный чёрный оттенок лишь сильнее подчёркивал белизну его кожи.

На всякий случай, если вдруг явится призрачный младенец, Тань Нин набил карманы пиджака конфетами.

Когда Тань Нин прибыл в дом семьи Лу, гроб как раз выносили. Поскольку Лу Инсин не был женат, его несли восемь носильщиков - все молодые и сильные парни, нанятые специально для этого.

Вместе они подняли гроб и встали во главе похоронной процессии. Тань Нин шагал в середине процессии, следуя совету старика Хао оглядываться через каждые семь шагов. Однако спустя какое-то время шествие замедлилось.

Носильщики в первом ряду сбавили темп, и это повлияло на весь строй. Лу Цзюньчи вручил каждому из них красный конверт, но вместо того, чтобы ускориться, они замедлились ещё сильнее.

Причём замедление это не казалось нарочитым. Хоть утро выдалось прохладным и пасмурным, могучие носильщики обливались потом, словно шли под палящим солнцем. На их загорелых шеях и мускулистых руках вздулись вены.

Казалось, будто гроб весит целую тонну.

Если носильщики, подняв гроб, устают по дороге к месту захоронения, им не дозволяется опускать его на землю. Можно лишь на время пристроить на длинную скамью.

Заметив неладное, те, кто нёс скамьи, бросились вперёд. Но не успели они установить их, как с громким треском лопнула толстая верёвка, и роскошный гроб из сандалового дерева с грохотом обрушился наземь.

Если верёвка рвётся, а гроб падает - значит, покойный затаил обиду и не желает уходить в мир иной.

<http://bllate.org/book/14673/1303904>